

Раздел 5. Афганистан: проблема беженцев

**Сокол, покинувший свое гнездо,
попадает на кисть короля**
Афганская пословица

Беженцы – неизбежная составляющая всякой войны, как, впрочем, и непереносимое следствие острых внутригосударственных социально–экономических и политических потрясений и кризисов [1].

Проблема беженцев не обошла стороной и современный Афганистан, став на многие годы частью его национальной трагедии. Побудительные мотивы, заставившие огромные массы афганских граждан сниматься с насиженных мест и устремляться в поисках заработка и пропитания в городские центры и за пределы государства, уходят своими корнями к первым десятилетиям второй половины XX в. и были связаны первоначально с обострением демографической ситуации в стране, мучительными процессами капитализации афганского общества и обусловленными ею глубоким социальным расслоением и пауперизацией, а также с неспособностью монархических властей с помощью предпринимавшихся ими мер по модернизации экономики и демократизации общественной жизни решить насущные внутренние социальные и политические проблемы.

Следует заметить, что массовые сезонные перемещения кочевого и полукочевого населения по территории страны и за ее пределы – явление для Афганистана традиционное. Это особенно характерно для многих пуштунских племен, проживающих к югу от Гиндукуша. По некоторым данным, [2] в начале XX в. численность кочевников и полукочевников составляла около 1/3 населения страны, а в середине этого же века – 1/5 его часть. Во второй половине 50-х годов к данному явлению номуадизма добавился еще и огромный исход избыточного сельского оседлого населения [3] на заработки в города и на многочисленные промышленные и инфраструктурные стройки, развернутые в соответствии с первыми двумя пятилетними планами экономического развития Афганистана (1956/1957–1960/1961 и 1962/1963–1966/1967 гг.). [4] Масштабы этой внутренней миграции населения можно представить по динамике роста жителей афганской столицы. Если в первой половине 50-х годов численность ее населения оставалась относительно стабильной и составляла чуть более 200 тыс. человек, то в середине 60-х годов, в основном, под влиянием указанных выше процессов, увеличилась более чем вдвое и достигла 435 200 чел. (по другим данным, около 450 тыс.). [5] В 1966 году большая группа афганских туркмен переселилась в Турцию в надежде найти там лучшую долю и счастье.

Новая, более значительная по своим масштабам, волна внешней и внутренней миграции афганского населения, преимущественно сельского, произошла в начале 70-х годов XX в. и была вызвана небывалыми по своим последствиям двухлетней засухой и снежными зимами, которые привели в некоторых районах страны к почти поголовному падежу скота от бескормицы и массовому голоду среди населения. При этом наиболее пострадали районы северо–запада (Герат, Бадгис, Маймана, Гор) и северо–востока Афганистана (Бадахшан). Сотни тысяч крестьян вынуждены были продавать за бесценок свои участки земли и уходить вместе с семьями в города и соседние страны. В указанный период только в Иран, по ориентировочным данным, ушло до миллиона человек, т.е. более 7 % всего населения страны.

Еще один толчок к внешней миграции дал государственный переворот 1973 г. Тогда страну покинули члены королевской семьи и ее ближайшее окружение, связанные со свергнутой монархией крупные капиталисты и землевладельцы (малеки), некоторые представители интеллектуальной элиты, государственные служащие высшего и среднего ранга, часть генералитета и старшего офицерства. В середине 70-х годов из страны бежали

лидеры и участники неудавшихся антиреспубликанских заговоров и восстаний, принадлежавшие к различным экстремистским мусульманским и радикальным националистическим группировкам и организациям. Причем первые из них (1973 г.) эмигрировали в страны Европы и США, а вторые (середина 70-х гг.) – преимущественно в Пакистан и Иран.

Таким образом, еще до начала гражданской войны в Афганистане за пределами страны образовалась миллионная диаспора ее мигрантов.

После 1978 года, с разгаром гражданской войны, охватившей со временем все провинции страны, внутренняя и внешняя миграции приняли поистине угрожающие размеры, став, по существу, общенациональной гуманитарной катастрофой. Что касается внутренней миграции, то ее масштабы в Афганистане не поддаются точному учету, так как направленность ее потоков в 80–90-х годах нередко менялась: сначала беженцы устремлялись из сельской местности в города под защиту воинских гарнизонов, а затем, с приходом к власти моджахедов и превращением городов в арену кровавых разборок между различными группировками «борцов за веру», – обратно в деревенскую зону. По оценке ООН, в Афганистане к 1987 году насчитывалось до 2-х млн. внутренних беженцев. [6] Особенно большой их наплыв ощущался в афганской столице. Так, если в 1978 году в ее городской черте проживало, по официальным данным, 650 тыс. человек, в 1979 – 931 418, 1980 – 992 286, 1981 – 1 057 124, 1982 – 1 126 205, то в конце 80-х годов – уже до 1,5–2 млн. человек [7] (другими словами, население Кабула увеличилось с 1978 года, в основном, за счет пришедших почти вдвое).

С захватом Кабула моджахедами в нем к концу 90-х годов осталось, по свидетельству очевидцев, не более 200 тыс. человек. Остальные (как, впрочем, и жители других городов страны), спасаясь от боевых действий и массовых репрессий со стороны «борцов за веру», бежали в более безопасные, труднодоступные горные районы или за рубеж.

Основная масса афганских мигрантов (преимущественно пуштунов) оказалась в Пакистане. Динамику и масштабы их исхода в эту страну в период с апреля 1978 по ноябрь 1982 года можно представить по следующим официальным пакистанским данным: [8]

Дата	Количество зарегистрированных афганских беженцев	Дата	Количество зарегистрированных афганских беженцев
Апрель–декабрь 1978	18 329	Декабрь 1980	1 232 253
Январь–декабрь 1979	389 072	Январь 1981	1 310 928
Январь 1980	427 580	Февраль 1981	1 490 301
Февраль 1980	538 099	Март 1981	1 560 912
Март 1980	599 050	Апрель 1981	1 688 289
Апрель 1980	650 076	Май 1981	1 812 001
Май 1980	720 495	Июнь 1981	1 835 894
Июнь 1980	779 059	Июль 1981	1 859 639
Июль 1980	839 260	Август 1981	1 887 639
Август 1980	926 216	Сентябрь 1981	1 906 826
Сентябрь 1980	996 872	Октябрь 1981	1 913 412
Октябрь 1980	1 054 148	Ноябрь 1982	2 800 000
Ноябрь 1980	1 148 470	—	—

Как видно из приведенной выше таблицы, среднемесячный приток мигрантов из Афганистана в Пакистан в 1980–1982 годах составлял примерно 69 тыс. человек, а с

февраля по май 1981 г. – даже более 125 тыс. Одновременно значительная часть афганцев, в основном, из западных, северо-западных и центральных районов страны, уходила в Иран. Миграция из Афганистана в другие страны продолжалась и в последующие годы и достигла в 1987 году, по данным Американского комитета по делам беженцев, 5 млн. 751 тыс. человек, в том числе в Пакистане – 3 млн. 541 тыс., Иране – 2,2 млн., Индии – 5600, Кувейте – 4 тыс. человек [9]. Таким образом, уже к концу 80-х годов примерно треть населения Афганистана в силу разного рода причин вынуждена была покинуть родину. По данным ООН, к началу 1990 года афганская эмиграция достигла своего пика и составила только в Пакистане и Иране около 6,2 млн. человек [10].

Более точному определению поддавались масштабы афганской внешней миграции. Ее регистрацией в соседних с Афганистаном странах занимались специально созданный правительством Пакистана Национальный комиссариат по делам афганских беженцев, правительственные органы Ирана (Корпус стражей исламской революции, министерство информации и министерство внутренних дел) и открытые в разные годы в Исламабаде, Тегеране и Дели миссии (бюро) Верховного комиссара ООН по делам беженцев [11].

Очередная волна миграции из Афганистана, как уже отмечалось выше, началась после крушения в Кабуле левого режима и, особенно, с приходом к власти талибов и провозглашением ими Исламского Эмирата Афганистан. На сей раз значительная часть мигрантов новой волны, представленных, главным образом, теми, кто был связан с прежним (левым) режимом, хлынула в страны СНГ, Европы и Индию. По приблизительным подсчетам, их численность только в Москве и Подмосковье колеблется от 40 до 50 тыс. человек. Всего же на просторах России в настоящее время нашли убежище около 200 тыс. афганских мигрантов. Продолжается и поныне исход афганских беженцев в соседние страны. Так, за пять месяцев, с сентября 2000 по февраль 2001 года, из Афганистана в Пакистан вынуждены были бежать более 170 тыс. человек. 5–6 тыс. афганцев укрылись в Таджикистане и не менее 120 тыс. человек – на севере Афганистана, в основном, по соседству с Таджикистаном [12].

В зарубежной исторической литературе по Афганистану можно встретить разные суждения относительно причин массового исхода афганских граждан за рубеж. Западные афганисты, прежде всего американские, будучи ослепленные лютой ненавистью к СССР и коммунистическим идеям вообще и не утруждая себя глубоким и беспристрастным исследованием данной проблемы, трактовали ее лишь как форму протеста против «коммунистических» властей в Кабуле, как «свидетельство нелегитимности кабульского режима» или же как результат советских «ковровых» бомбардировок с воздуха и артиллерийских обстрелов мирных населенных пунктов и репрессий властей против невинных афганских граждан [13].

Такого рода умозаключения западных экспертов относительно мотивов массовой миграции из Афганистана представляются и тенденциозными, и далеко не полными (хотя с некоторыми из них и нельзя не согласиться). На самом же деле, они (эти мотивы) были обусловлены целым комплексом факторов и обстоятельств (о некоторых из них уже шла речь в начале данного раздела).

На первое место среди этих причин следует, безусловно, поставить чисто военные факторы. Именно с ужесточением военного противоборства всех завязанных в афганском кризисе сил и распространением гражданской войны на наиболее населенную деревенскую зону и транспортные коммуникации страны миллионы сельских жителей, лишившихся личной безопасности, крыши над головой и элементарных средств к существованию, вынуждены были покидать места своего постоянного обитания и искать убежище за пределами Афганистана. При этом, что необходимо особо подчеркнуть, мирные жители страдали и погибали тысячами не только от бомбардировок с воздуха и артиллерийских обстрелов правительственных (а с 1980 г. и советских) войск, но и, не в меньшей мере, от боевых операций и диверсионно-террористических акций моджахедов, обычно превращавших кишлаки и окрестные горы в свои бастионы, места засад и

укрытий, да и просто в щит для обеспечения своей безопасности. Непосредственным результатом этого противоборства явилось то, что только за неполные четыре года гражданской войны в Афганистане (с 1981 по декабрь 1984 года) количество сельских обитаемых населенных пунктов (кишлаков) сократилось с 35 364 до 30 217 (т.е. на 5144 единицы). Многие из этих оставленных населением кишлаков были разрушены до основания в результате происходивших там ожесточенных боев. В некоторых пограничных провинциях сельская периферия почти полностью опустела. Так, в провинции Нимруз (на юго-западе страны), по состоянию на конец октября 1985 года, из 582 имевшихся здесь ранее кишлаков покинутыми оказались 457 (78,5 %) [14].

Бегство афганцев за рубеж в рассматриваемый период вызывалось и многими другими причинами и обстоятельствами, как-то: усилением террора против местного населения и кампаниями жестоких расправ над местными авторитетами и видными духовными и политическими деятелями, осуществлявшимися в 1978–1979 гг. по прямому указанию фактического руководителя ДРА Х. Амина под флагом борьбы против контрреволюционных элементов; грубыми просчетами и искривлениями при проведении земельной реформы и других преобразований, в частности, в сфере быта и ликвидации неграмотности; разбоем, грабежами и насилием «борцов за веру» и их дикими расправами над мирным населением, не разделявшим их взгляды и заподозренным в нелояльности к моджахедам; антиправительственной пропагандой внутренних и зарубежных недругов левого кабульского режима, подстрекавших население Афганистана к массовому бегству из-под власти «вероотступников и еретиков» и обещавших ему за пределами страны щедрую материальную и другую помощь и поддержку [15].

О неблагоприятной роли зарубежных СМИ и иностранных спецслужб в провоцировании внешней миграции из Афганистана следует сказать особо. Они с самых первых дней установления в Кабуле власти левых, а затем и ввода советских войск в страну постарались придать проблеме беженцев сугубо политический характер. Усилиями Запада, прежде всего США, и консервативных режимов региона была развернута широкомасштабная информационно-пропагандистская кампания по запугиванию и склонению афганского населения к массовому уходу из страны [16]. Особого внимания при этом удостоивались этнические лидеры, духовная и светская элита. И это принесло свои плоды. Поверив в лицемерное сострадание к жертвам гражданской войны и обещаниям спокойной жизни за рубежом, тысячи семей, родов и многочисленные этнические кланы, увлекаемые своими вождями и старейшинами, стали покидать родные места. Так, несколько тысяч туркменских семей, в том числе искусных ковроделов, были спровоцированы к уходу из довольно спокойных в военном отношении северо-западных провинций Афганистан в Пакистан, а оттуда в 1982 году вывезены самолетами в Турцию. Подобная же участь выпала на долю нескольких тысяч киргизов во главе с известным феодалом Рахманкулом. В начале 80-х годов они были перемещены из горных, труднодоступных районов афганского Бадахшана в Пакистан (Пенджаб), а затем переброшены самолетами в Турцию [17]. Такого рода примеров массового исхода населения Афганистана было немало и на севере страны, и в районах Хазараджата, и в приграничных с Пакистаном афганских провинциях.

Среди афганских мигрантов солидную долю составляли представители кочевых, преимущественно пуштунских, племен. Столкнувшись с непреодолимыми трудностями на путях своих традиционных перемещений из-за бушевавшей в стране гражданской войны и не желая подвергать риску свои жизни, они, как правило, оставались в Пакистане и регистрировались там в качестве беженцев в надежде получить соответствующую материальную и другую помощь. По всей вероятности, количество таких «беженцев» исчислялось сотнями тысяч.

В годы гражданской войны в Афганистане появилась и еще одна, значительная по численности, категория эмигрантов, которую условно можно назвать «беженцами-отходниками». В их роли выступали лица из числа трудоспособного мужского населения.

Будучи свободными в межсезонье от сельскохозяйственных работ в местах своего постоянного проживания, они регулярно уходили на заработки в Пакистан, где предварительно регистрировались как беженцы и получали, вдобавок к своим трудовым доходам, также и положенное беженцу вспомоществование. По сведениям компетентных афганских источников, таким временным отхожим промыслом в статусе беженца чаще всего занималось мужское население южных и юго–западных приграничных афганских провинций.

Из сказанного со всей очевидностью вытекает, что циркулирующие до сих пор в печати и исторической литературе данные о численности афганских беженцев в Пакистане нуждаются в серьезной корректировке в сторону их уменьшения. Неточность этих данных явилась не столько следствием погрешностей статистики, [18] сколько стремлением определенных международных кругов путем значительного завышения численности беженцев получить в свои руки политические козыри для нагнетания напряженности в мире вокруг «афганского вопроса» и намерением пакистанских властей (главного поставщика информации о численности афганских беженцев) заполучить, кроме того, побольше гуманитарной помощи от международного сообщества. Как бы там ни было, социально–экономический и политический кризис и гражданская война, потрясшие Афганистан в последней трети XX в., заставили примерно треть его населения бежать из страны.

Афганские беженцы в Пакистане

Большая часть афганских беженцев, как уже отмечалось выше, ушла в Пакистан. По прибытии в эту страну они первоначально попадали в приемные пункты, находившиеся в ведении пакистанского Департамента по приему и расселению беженцев. Его отделения, тесно сотрудничавшие с руководством группировок афганской вооруженной оппозиции, функционировали в Читрале (на севере Пакистана), Пешаваре и Кветте. Попав в указанные пункты, беженцы примерно в течение месяца подвергались тщательной проверке с участием представителей моджахедов, регистрировались и, наконец, после получения так называемого «гозар–наме» (удостоверения личности–пропуска) распределялись по лагерям с учетом их этнической принадлежности. В гозар–наме, содержащем десять страниц, указывались имя и фамилия главы семьи, число ее членов, а также их личное имущество и все то, что они получили в порядке неотложной благотворительной помощи от пакистанских властей.

По состоянию на середину 1985 года афганские беженцы размещались примерно в 350 (по другим данным, в 330) лагерях–деревнях, из которых 280 (80 процентов) [19] находились в Северо–Западной пограничной провинции (СЗПП), 60 (17 процентов) – в Белуджистане и 10 лагерей (около 3 процентов) – в Пенджабе. Кроме того, до 250 тыс. афганских мигрантов (из них официально зарегистрированных было лишь 18 тыс. человек) нашли убежище в различных местах провинции Синд (на юго–востоке Пакистана). Наибольшее число беженцев, осевших в СЗПП, было сосредоточено в Пешаваре, Курраме, Баджауре, Северном Вазиристане и Мардане. К примеру, в последнем и в прилегающих к нему районах, по данным на середину 1983 г., имелось 6 лагерей, в которых проживало до 325 тыс. беженцев. Пакистанские власти, чтобы избежать дальнейшей концентрации афганских беженцев в СЗПП, приступили в 1981–1982 гг. к организации лагерей и в провинции Пенджаб (близ г. Миянвали и Исахейль). Под все указанные выше лагеря–деревни отводились земли, арендованные у местных землевладельцев или пуштунских племен [20].

подавляющее большинство беженцев (до 75 процентов) ютилось в построенных их собственными руками глинобитных лачугах, а остальные – в палатках, предоставлявшихся им, главным образом, по линии Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Состоятельные афганские мигранты (крупные бизнесмены и землевладельцы,

вожди и старейшины пуштунских кланов и племен, видные мусульманские богословы, влиятельные представители прежней государственной элиты) селились в крупных городах. На вывезенные ими капиталы они покупали шикарные виллы, дома, земли и другое движимое и недвижимое имущество. И в Пакистане многие из них продолжали приумножать свое богатство, занимаясь торгово-предпринимательской и банковско-спекулятивной деятельностью, а также участием в нелегальном производстве и вывозе наркотиков.

По социальному статусу афганские беженцы разделялись на четыре основные категории: крестьяне и другие бедные слои деревни; афганские кочевники-скотоводы; представители городских средних слоев (мелкие торговцы и ремесленники, низшее чиновничество); представители имущей верхушки общества. Самой многочисленной группой среди афганских мигрантов в Пакистане были представители крестьянства – беднейшей части афганского населения. По оценке бюро Верховного комиссара ООН, половая и возрастная структура афганских беженцев характеризовалась следующими данными: дети (до 16 лет) – 48 процентов, женщины – 28 и мужчины – 24 процента. По национальной принадлежности 80–85 процентов афганских беженцев, пришедших в Пакистан, составляли пуштуны приграничных провинций Афганистана.

Условия жизни афганских беженцев в Пакистане были крайне удручающими. К бытовой неустроенности и ужаснейшей антисанитарии, царившей в лагерях, добавлялось полуголодное существование основной массы мигрантов. Широко разрекламированная за рубежом программа гуманитарной помощи беженцам не решала, да и не могла решить, данную проблему, хотя цифровые данные относительно этой помощи впечатляли. По неофициальным данным, суммарный размер всех видов помощи, поступавшей в Пакистан для афганских беженцев, достигал в год 1 млрд. долларов США, или ежедневно – более 2,7 млн. долларов. По сведениям Верховного комиссара ООН, с начала 1980 по ноябрь 1983 года только по линии специализированных учреждений ООН, некоторых международных правительственных и неправительственных организаций через пакистанское правительство для нужд афганских беженцев было направлено различного продовольствия на общую сумму 430 млн. долларов США, в том числе 1230 тыс. т. пшеницы, 49 тыс. т. растительного масла, 5,2 тыс. т. сухого молока, 44 тыс. т. сахара и 3,35 т. чая. Предполагалось, что из данного фонда каждый беженец ежедневно будет получать 500 г. пшеницы, 30 г. растительного масла, 30 г. сухого молока, 20 г. сахара и 3 г. чая.

Однако в действительности лишь малая толика из всего этого, да и то нерегулярно, [21] доходила до адресата: значительная часть гуманитарной помощи становилась источником обогащения для многочисленных пакистанских коррумпированных чиновников (к примеру, только аппарат служащих пакистанского Комиссариата по делам беженцев насчитывал до 7 тыс. человек); другая ее часть попадала в руки жадных до наживы главарей афганской вооруженной оппозиции; третья разворовывалась лагерной администрацией. Большая доля поступавшей в Пакистан гуманитарной помощи, включая и продовольствие, шла на снабжение военных формирований афганских моджахедов, а также распродавалась на базарах Пешавара, Кветты и других городов страны, принося миллионные доходы пакистанским и афганским коррупционерам.

Будучи не в состоянии прожить на мизерную продовольственную и другую благотворительную помощь, около 80 процентов трудоспособного мужского населения лагерей вынуждены были покидать их пределы в поисках какой-либо работы и заработка. Как правило, это была временная и низкооплачиваемая работа. Небольшая часть мигрантов, в основном, из числа тех, кто имел какую-либо трудовую специальность, устраивалась на промышленные и хозяйственные предприятия, иногда далеко от зоны расселения своих семей – в Карачи, Мардане, Лахоре и других городах Пакистана. Среди афганских беженцев по роду их трудовых занятий заметно выделялись еще две категории людей: скотоводы и земледельцы. Первым удалось привезти с собой в Пакистан до 3-х

млн. голов (в основном, мелкого рогатого) скота. Для их выпаса они использовали примыкающие к лагерям земли и пастбища, нередко вступая в конфликты с их владельцами. Вторые на землях, арендованных или захваченных у частных лиц и племен, выращивали для собственных нужд и для продажи различные сельскохозяйственные культуры. Дети и оставшаяся безработная часть обитателей лагерей ежедневно массами устремлялись на близлежащие городские базары, где занимались мелкой розничной торговлей, попрошайничеством, а иногда и воровским и бандитским промыслом. Широкое распространение в Пакистане получила деятельность афганских преступных шаяк, занимавшихся угоном автомобилей, квартирными кражами, разбоем на дорогах и т.п.

Все это, вместе взятое, вызывало в Пакистане неприкрытую неприязнь и ненависть к незванным пришельцам, поскольку последние волей-неволей представляли в глазах местных жителей или как иноземные конкуренты на рынке рабочей силы, или как наглые соперники обездоленных пакистанских социальных низов в борьбе за кусок хлеба насущного, или как посягатели на чужое добро и собственность, или же как еще один источник криминализации общественной жизни в стране. Что касается последнего аспекта, то картина будет неполной, если не сказать о том, что ожесточенные вооруженные разборки между различными группировками афганских моджахедов, происходившие постоянно в местах размещения их штаб-квартир, учебных центров и лагерей, ставили под серьезную угрозу жизнь и безопасность тысяч и тысяч пакистанских граждан.

Пакистанское правительство под видом решения проблемы занятости среди афганских беженцев широко привлекало их в качестве дешевой, неквалифицированной рабочей силы на строительство различных государственных инфраструктурных объектов (дорог, водохранилищ, ирригационных систем, линий связи и т.п.), называя их для пущей важности «жизненно необходимыми для беженцев стройками». Афганских мигрантов использовали в своих корыстных интересах и международные контрабандисты и наркodelьцы из числа главарей афганской вооруженной оппозиции, разместившие свои центры, базы и лаборатории преимущественно в районах Пешавара, Читрала и перевала Ланди Коталь, т.е. там, где обитала значительная часть мигрантов.

Жизнь в глинобитных лачугах и палатках при 50-градусной жаре летом и холоде и повышенной влажности зимой, ужасающая перенаселенность, отсутствие элементарных санитарно-гигиенических условий, полуголодное существование и нехватка питьевой воды (о ее качестве говорить не приходится), – все это порождало острые и хронические заболевания. Среди них самыми распространенными являлись туберкулез, холера, малярия, тиф, коклюш, ревматизм и др. По оценке Всемирной организации здравоохранения, туберкулезом страдала 1/3 всех афганских беженцев в Пакистане. Самое прискорбное состояло в том, что около 100 больниц и 200 аптек, имевшихся в лагерях и открытых на средства различных международных благотворительных фондов и организаций, практически были не в состоянии оказать необходимую врачебную помощь всем страждущим, не говоря уже о том, чтобы снизить пороги заболеваемости и остановить дальнейшее распространение инфекционных болезней среди афганских мигрантов. Повсеместно не хватало лекарств, а уровень квалификации медперсонала был крайне низок.

Иначе обстояло дело с медицинским обслуживанием и лечением афганских моджахедов. В СЗПП и Белуджистане они пользовались услугами 200 клиник и медицинских пунктов и десяти стационарных госпиталей с медицинским персоналом в 2000 человек, организационно входивших в штаты медицинской службы вооруженных сил Пакистана [22]. Следует также отметить, что западная медицинская помощь (новейшее оборудование и квалифицированные «врачи-добровольцы») направлялась, в основном, не в лагеря беженцев, а в центры и на базы афганской вооруженной оппозиции для лечения больных и раненых моджахедов и их главарей. Для этих целей в Пешаваре и

Кветте на средства западных и региональных спонсоров был создан ряд клиник и больниц, оснащенных самым современным медицинским оборудованием, позволявшим делать нейрохирургические и другие сложные операции и оказывать высококвалифицированную ортопедическую помощь. В частности, в Пешаваре находились больницы Международного Красного Креста на 50 коек, Красного Полумесяца Кувейта на 12–15 мест и поликлиника Красного Полумесяца Саудовской Аравии. Немалое число «борцов за свободу», получивших ранения в ходе диверсионных рейдов вглубь Афганистана, направлялись на лечение в страны Западной Европы, США, Австралию, Японию.

В лагерях афганских беженцев в Пакистане существовала и еще одна тяжелая социальная проблема – почти поголовная неграмотность. Согласно данным Верховного комиссара ООН, она составляла 95,5 процента от всех обитателей лагерей, в том числе среди мужчин – 93 и женщин – 98 процентов. Чрезвычайно высокой она была и среди детей школьного возраста.

Пакистанские спецслужбы и правые религиозные круги страны вкупе с группировками афганской вооруженной оппозиции, преследуя сугубо политические цели, постарались поставить под свой полный контроль всю систему школьного образования в лагерях. Особенно рьяно за это взялась крайне правая религиозно-политическая организация Пакистана «Джамаат-и ислами». Ее усилиями уже к началу 1981 года на средства, полученные из-за рубежа, главным образом, из арабских стран Персидского залива через «Банк Омана», было открыто в лагерях афганских беженцев 440 школ (медресе) [23], где стали проходить духовное (проваххабитское) воспитание будущие «воины ислама», составившие в середине 90-х годов костяк экстремистского движения «Талибан». Учебные пособия и учебники для этих школ готовились под непосредственным руководством и контролем министерства образования Пакистана и организации «Джамаат–и ислами» и издавались на средства ООН и международных благотворительных фондов.

Через год только в СЗПП действовала уже 531 школа, из которых 460 были начальными, 70 – средними и одна – высшей средней школой (11–12 классы). В указанных школах в 1984 году преподавание вели 2218 пакистанских, египетских, саудоаравийских и афганских учителей и наставников (в том числе 105 женщин) и обучался 80 381 человек, что составляло не более 11 процентов от общего количества детей мигрантов, проживавших в данной провинции [24]. Основными предметами обучения в этих школах, начиная с первого класса, были чтение Корана, религиозные обряды и ритуалы, история ислама, суть и принципы джихада против кабульских «коммунистических» властей и советских оккупантов.

Небольшое число молодых людей (по данным на середину 1984 г., около 200 человек), принадлежавших к состоятельным кругам афганских мигрантов, были приняты в пакистанские университеты на основе стипендий, выделенных им по линии ООН. Еще одна часть афганской молодежи из богатых семей была направлена на учебу (в основном, на свои средства) в США, страны Западной Европы, Японию и Австралию (в 1982 году их было 109 человек). Кроме того, в Пакистане функционировали курсы по подготовке учителей из числа афганских беженцев, а также в ряде лагерей, где были сосредоточены этнические узбеки и туркмены, – финансируемые ООН и пакистанском правительством курсы ковроделов, ювелиров и ручного шитья [25].

Лагерь афганских мигрантов в Пакистане представляли собой своеобразные резервации со строго регламентированными «сверху» внутренней жизнью, бытом, нравами и порядками. Кроме пакистанской администрации (должностных лиц Комиссариата по делам беженцев и полицейских чинов), в них «правили» те или иные группировки афганской вооруженной оппозиции, зависимые от них советы старейшин и избираемые последними малики. Вокруг лагерей располагались усиленные пакистанские полицейские посты. Огромным влиянием в лагерях пользовалось и продолжает

пользоваться мусульманское духовенство, представленное, как правило, муллами–ортодоксами. Идеино–политический контроль над обитателями лагерей с самого начала их появления в Пакистане взяла на себя уже упоминавшаяся выше крайне правая пакистанская религиозно–политическая организация «Джамаат-и ислами».

Психологический прессинг (прежде всего с минбаров мечетей) на глубоко религиозных обитателей лагерей особенно усилился с приходом к власти в Кабуле моджахедов. С этого времени главным тезисом воздействия на умы и настроения обездоленных беженцев стало упорное навязывание им мысли о том, что во всех их бедах, страданиях, в потере близких и родных виноваты исключительно «шоурави» (советские) и русские. Факты, поступающие из лагерей беженцев в Пакистане, показывают, что духовникам-ортодоксам и пакистанским спецслужбам, к сожалению, удалось глубоко внедрить в сознание афганских мигрантов такого рода представления о причинах их несчастий [26].

Афганская вооруженная оппозиция, располагая безграничной властью и влиянием в лагерях, превратила их не просто в свою вотчину, но и надежную базу и резерв для пополнения людским составом своих боевых отрядов. С этой целью главари различных антиправительственных группировок время от времени в директивном порядке устанавливали для контролируемых ими лагерей определенные квоты на выделение очередных партий рекрутов. Насильственному рекрутированию подлежали прежде всего лица мужского пола в возрасте от 16 до 35 лет. За участие в джихаде против «безбожного» Кабула и советских войск им обещалось богатое вознаграждение в твердой валюте, [27] поступавшей для этих целей от щедрых западных и региональных доноров – США, Саудовской Аравии, ОАЭ и некоторых других стран. Пакистанские власти, чтобы еще больше усилить зависимость беженцев от афганской вооруженной оппозиции, в октябре 1984 г. приняли решение передать в ее ведение все медицинские учреждения, предназначенные для лечения обитателей лагерей [28].

Присутствие афганских беженцев и афганской вооруженной оппозиции на земле Пакистана, вопреки намерениям его правительства и спецслужб использовать афганский фактор для реализации в регионе своих амбициозных, далеко идущих геополитических планов и расчетов, не только не принесло ожидаемых результатов, но, наоборот, значительно содействовал усилению политической напряженности и нестабильности в пакистанском обществе, обернулось на деле огромными потрясениями в устоях государственной власти в стране и судьбе ее верховных правителей (вспомним хотя бы судьбу генерала Зия-уль-Хака).

Афганские беженцы в Иране и других странах региона и мира

Как уже отмечалось выше, к концу 80–х годов XX в. в Иране, в силу разных причин и факторов, в основном, социально-экономического и военного характера, оказалось свыше 2 млн. афганских беженцев, в том числе в Хорасане – более 750 тыс. и в Систане и Иранском Белуджистане – не менее 250 тыс. человек [29]. Основными районами их расселения являлись Мешхед, Тегеран, Кум, Исфаган, Тайебат, Захедан, Шираз, Бендер–Аббас и некоторые другие места.

По социально–классовому составу афганские беженцы в Иране были представлены, главным образом, крестьянами, сельскохозяйственными рабочими, мелкими деревенскими и городскими ремесленниками и торговцами, безработными рабочими, а также состоятельными лицами из числа крупных землевладельцев, торговцев, духовенства и высокопоставленных чиновников прежних режимов. Численность последних значительно увеличилась с приходом в Кабуле к власти левых сил в апреле 1978 г. Среди мигрантов было много молодежи – выходцев из социальных низов. По национальности заметную часть афганских беженцев составляли таджики, хазарейцы, персы, белуджи и отчасти пуштуны из районов Герата, Хазараджата, Бадгиса, Бамиана,

Гора, Фараха и Нимруза, а по религиозной принадлежности – в основном, шииты. Следует заметить, что из провинции Нимруз в Иран ежегодно уходили десятки тысяч сельских жителей из-за сезонных наводнений в низовьях р. Гильменд и в низменных местах, примыкающих к озерам Систана. Почти все беженцы из Нимруза оседали в городах Заболь, Захедан и некоторых других на юго-востоке Ирана. Подавляющая часть афганских мигрантов, уходивших в эту страну, не имела паспортов или иных документов, подтверждавших их личность.

В Иране, в отличие от Пакистана, большинство афганских беженцев, как и прежде, в начале 70-х годов, селилось не в лагерях, а по всей стране, на городских бедняцких окраинах. Богатые же афганские мигранты обосновывались в крупных городах, как правило, в центре, на западе и северо-востоке Ирана, где приобретали шикарные виллы и квартиры. Что касается афганских «нарушителей границы» из беднейших слоев населения (так их еще с 70-х годов называла иранская пресса), то они, чтобы заработать себе на жизнь и обеспечить существование своих семей, брались за любую, в том числе и самую тяжелую и непрестижную работу. Чаще всего они использовались в качестве дешевой рабочей силы в промышленности, строительстве и ремесленном производстве, в сфере быта и обслуживания, на сельскохозяйственных работах и в животноводстве. Значительная часть мигрантов занималась мелкой торговлей, кустарными промыслами, контрабандой, переброской и торговлей наркотиками (героином, чарсом, опиумом и др.) и разбоем [30]. Среди них было немало профессиональных убийц и грабителей.

В начале 80-х годов иранские власти приняли решение собрать афганских беженцев со всей страны и разместить их в специальных лагерях. Цели этого решения состояли в следующем: создать более благоприятные условия для усиления политического и идеологического влияния среди мигрантов в духе стратегических установок иранского теократического руководства; обеспечить более широкие возможности афганских антиправительственных организаций и группировок для пополнения ими отрядов моджахедов людским составом; установить строгий полицейский надзор за жизнью, бытом и занятиями афганских беженцев и облегчить тем самым борьбу против их наркокурьеров и торговцев наркотиками, контрабандистов и различных криминальных элементов и группировок, чья деятельность в Иране приняла угрожающий размах; использовать факт создания по правительственной линии такого рода лагерей для получения широкой материальной и финансовой помощи от мирового сообщества и международных благотворительных фондов и организаций: и, наконец, что представлялось иранским правящим кругам немаловажным, продемонстрировать перед всем, особенно мусульманским, миром свою заботу о судьбе обездоленных афганских братьев по вере. С началом ирано-иракской войны афганские беженцы стали интересовать иранское теократическое руководство и как наемная боевая сила для пополнения своих вооруженных формирований. Легче всего реализовать данный замысел можно было, конечно, в условиях лагерного проживания беженцев.

Однако иранскому правительству вместе с лидерами афганской вооруженной оппозиции, обосновавшейся в Иране, так и не удалось осуществить планы по созданию широкой сети лагерей. Организовано было лишь их небольшое количество в районах Хорасана, Захедана и ряде других мест. В созданных в остане Хорасан трех лагерях (Кашмер, Гонабад, Сабзевар) было собрано к весне 1982 г. всего около 5 тыс. человек, тогда как к тому времени в указанном остане находилось не менее 300 тыс. афганских мигрантов [31]. К середине 1984 года на территории Ирана функционировали лишь 13 лагерей афганских беженцев [32].

Провал в осуществлении данного замысла иранских властей был вызван почти поголовным нежеланием мигрантов переходить на лагерную изоляцию и подвергать свою жизнь и здоровье невыносимым погодным и климатическим испытаниям и другим опасностям, связанным с проживанием на неблагоустроенных пустырях и в полупустынной местности, кишасей к тому же кровососушими насекомыми и ядовитыми

пресмыкающимися (как сообщалось в иранских СМИ, только за одну ночь в одном из лагерей в Хорасане от укуса змей погибли более 30 человек).

В 1983 году иранские власти предприняли кампанию поголовной регистрации афганских беженцев и выдачи им удостоверений личности (иначе этот документ еще назывался «карточкой афганца» – «карт-е афагане»). При этом они строго предупреждались, что отсутствие такого документа лишает их права получения купонов на покупку дешевых потребительских товаров в государственных магазинах, получения различной благотворительной помощи, свободного передвижения по стране, найма на работу, поступления на учебу, права на медицинское обслуживание и т.п. Впрочем, и эта кампания не дала ощутимых результатов из-за боязни мигрантов быть перемещенными в лагеря или, что еще хуже, быть насильственно рекрутированными в боевые отряды афганской вооруженной оппозиции для последующей засылки в Афганистан. Их отказ от регистрации был в известной мере вызван еще и тем, что иранские власти требовали от каждого, кто получал удостоверение личности, сдать, вопреки его желанию, кровь в объеме 300–350 см³ для лечения раненых на ирано–иракском фронте [33].

В 80–х годах иранское теократическое руководство использовало немалое число афганских мигрантов в боевых операциях на ирано–иракском фронте. Вовлеченные в различные группировки афганских моджахедов, действовавшие с территории Ирана, они сначала проходили военную подготовку в учебных центрах Корпуса стражей исламской революции (в Куме, Тегеране и других местах), а затем, прежде чем быть посланными в Афганистан, направлялись на «стажировку» на несколько месяцев на ирано–иракский фронт, где преимущественно использовались на наиболее опасных участках и в первых рядах наступающих войск. Тем не менее их денежное содержание составляло всего лишь половину окладов иранских военнослужащих [34]. По данным на 1982 г., в боевых операциях на иранской стороне в тот период участвовало до 6 тыс. афганских моджахедов. В последующие годы их число на фронте не уменьшилось. Многие из них были убиты или ранены [35].

В Индии, по оценке министерства иностранных дел ДРА на 1984 год, проживало до 50 тыс. афганских мигрантов. Эта оценка значительно расходится с данными ООН. Так, бюро Верховного комиссара ООН по делам беженцев, открытое в Дели в мае 1980 г., к 1984 году зарегистрировало всего лишь около 6 тыс. афганских граждан и выдало им соответствующие документы (карточки беженца) и определенное финансовое пособие. [36] Представляется, что между оценкой афганского МИДа и данными ООН нет никаких противоречий. Дело в том, что далеко не все афганцы, оказавшиеся в те годы в Индии, нуждались в регистрации по линии ООН как ввиду их временного пребывания на индийской земле, так и по некоторым другим соображениям (см. об этом ниже).

Социальные и политические характеристики афганских мигрантов в Индии значительно отличались от тех, кто нашел убежище в Пакистане, Иране и ряде стран Персидского залива. Среди афганских граждан, проживавших и продолжающих проживать в этой стране, можно выделить следующие группы:

1. Афганцы, приехавшие в Индию задолго до Апрельской революции 1978 г. и занимающиеся, в основном, ростовщичеством. Время от времени они вынуждены были вступать в контакт с афганскими антиправительственными группировками и оказывать им определенную финансовую помощь. Однако такая помощь предоставлялась чаще всего не по идейным соображениям, а всего лишь с целью гарантировать свою безопасность во время деловых поездок в Пакистан, а также безопасность своих родственников, постоянно проживающих в Пакистане и Афганистане.

2. Крупные афганские бизнесмены, в том числе и далекие от политики, потерявшие после революции на родине свои прибыли и состояние. Располагая огромными капиталами в зарубежных банках, они занимались в Индии разного рода предпринимательской деятельностью.

3. Представители прежней высшей бюрократии и интеллектуальной элиты,

покинувшие Афганистан вместе со своими семьями из-за опасений за свою жизнь при новом, левом режиме и по политическим мотивам. Они, как правило, регистрировались в качестве беженцев в делийском бюро Верховного комиссара ООН. Многие из них, получив визу в посольствах западных стран, а иногда и без нее эмигрировали в страны Европы и США, где получали статус беженцев или политических беженцев.

4. Молодые люди призывного возраста, принадлежавшие к состоятельным слоям и классам афганского общества. Они укрывались в Индии, чтобы избежать призыва на военную службу, а также в надежде получить образование за рубежом. По прибытии в эту страну большая их часть поступала на учебу в высшие учебные заведения и нередко вовлекалась в деятельность афганских антиправительственных группировок и их филиалов в Индии (Исламского союза, Исламского общества Афганистана, Исламской партии Афганистана, Афганской социал-демократической партии, Организации освобождения народов Афганистана (САМА), Союза афганских студентов и беженцев в Индии и др.). Какая-то часть афганских мигрантов, в том числе и молодежи, занималась контрабандой и сбытом наркотиков, воровством и разбоями, что вызывало недовольство широкой индийской общественности.

В целом, однако, на общественно-политическом и государственном уровне отношение к афганским пришельцам и левому кабульскому режиму было в Индии неоднозначным. Правые политические и религиозные круги (Джаната парти, Мусульманская лига, Союз добровольных служителей нации (РСС), Общество исламских богословов и др.) полостью поддерживали афганскую вооруженную оппозицию и действовавшие в стране ее филиалы, оказывали им моральную, политическую и финансовую помощь и поддержку и решительно осуждали «коммунистические» власти Кабула и советское военное присутствие в Афганистане. В то же время левые и демократические силы, включая и Индийский национальный конгресс (И), последовательно и неизменно выступали в поддержку Демократической Республики Афганистан (Республики Афганистан) и ее руководства. После прихода в апреле 1992 г. к власти в Афганистане моджахедов, когда в Индию хлынули тысячи новых эмигрантов, в числе которых оказались преимущественно бывшие партийные функционеры и государственные деятели Республики Афганистан, представители интеллигенции и чиновничества, духовные и светские авторитеты – сторонники левого режима, индийские власти без каких-либо препятствий предоставили им политическое убежище, продемонстрировав этим свое доброжелательное отношение к афганским национально-патриотическим и демократическим силам и еще раз показав, что Индия в интересах национальной безопасности страны по-прежнему рассматривает события в Афганистане через призму своих отношений с Пакистаном.

Продолжающийся вот уже почти три десятилетия афганский кризис разбросал своих граждан буквально по всему свету, от Японии и Австралии до США и Канады. Часть афганцев, главным образом, выходцы из социальных низов, спасаясь от бед и несчастий гражданской войны, и в поисках заработка и куска хлеба нашла свое пристанище, кроме Пакистана, Ирана и Индии, также во многих арабских странах. По разным оценкам, численность афганских беженцев здесь характеризовалась к середине 80-х годов следующими данными: в Саудовской Аравии их было более 30 тыс. человек, Кувейте – до 6–7 тыс., Катаре – 4 тыс., Объединенных Арабских Эмиратах – 3 тыс., Ираке – 50 хазарейских семей, поселившихся в районе Кербелы, Сирии – от 600 до 800 чел. и 50 человек в Багдаде [37].

В Европе самая значительная по численности афганская диаспора образовалась в Федеративной Республике Германия. К середине 80-х годов в ней насчитывалось до 12,5 тыс. человек [38]. Это были, в основном, представители интеллектуальной элиты, чиновничества и крупного капитала и бывшие партийные, общественно-политические и государственные деятели. [39] Если брать во внимание мотивы их исхода из Афганистана, то можно в их среде четко выделить три основные волны эмиграции: первая (после

антимонархического переворота) – 1973–1978 гг.; вторая (с приходом к власти в Афганистане левых радикалов) – 1978–1992 гг.; и третья (с захватом Кабула моджахедами) – после 1992 г. Прибыв в ФРГ, афганские эмигранты получают, как правило, статус беженцев или политических беженцев. Основными районами их проживания стали города Франкфурт-на-Майне, Гамбург, Кельн, Ганновер, Мюнхен и Бонн.

Афганская колония в ФРГ остается крайне неоднородной по своим политическим взглядам и пристрастиям и распадается на ряд враждующих между собой сообществ – от приверженцев ультраправых экстремистских группировок, выступающих за создание в Афганистане теократического государства, до демократических и леворадикальных сил, отстаивающих идеи и принципы строительства независимого, светского, демократического Афганистана. В настоящее время, при активном участии представителей третьего потока эмиграции, среди афганской диаспоры активизировалась деятельность демократических и национально-патриотических элементов. Во второй половине 90-х годов они основали в ФРГ ряд своих организаций (Общество афганских эмигрантов в Германии, Общество просветителей Афганистана, Общество национального возрождения и др.) и приступили к изданию новых газет и журналов – «Тасвир» («Картина»), «Рошани» («Свет»), «Растахиз» («Возрождение»), «Ноубахар» («Ранняя весна»). [40] Долгое время (до своей кончины) самой заметной политической фигурой в афганской диаспоре и ее эмигрантской прессе в Германии оставался бывший премьер королевского правительства Мухаммад Юсуф, приложивший немало усилий для решения афганской проблемы с национально-патриотических позиций.

Колония афганских эмигрантов в США не уступает по своей численности той, что сложилась в Германии. По свидетельству постоянного представителя ДРА при ООН Фариды Зарифа, только с начала 1980 по 31 января 1982 г. право политического убежища в США получили 6 тыс. афганцев. [41] В это же время на въезд в США ожидали визы от 5 до 6 тыс. афганских граждан, временно находившихся в Пакистане, Индии, ФРГ и Италии. К концу 1983 г. в США проживало в общей сложности до 11 тыс. афганских эмигрантов [42]. В дальнейшем их число заметно возросло. Иммиграционные службы США, действуя в соответствии с принятым на государственном уровне принципом строгой «выборочной иммиграции», допускали в страну исключительно тех лиц, которые потенциально могли быть использованы в интересах США как внутри страны, так и на мировой арене. В этом контексте действовали и американские спецслужбы. Они активно и целенаправленно, путем подкупов и обещаний райской жизни в «свободном мире» склоняли определенные категории высокопоставленных афганских лиц к протестной эмиграции с тем, чтобы этим фактом дискредитировать в глазах международной общественности кабульский «коммунистический» режим. При этом объектом особого внимания спецслужб США были известные афганские деятели культуры, государственные чиновники высокого ранга и, особенно, дипломатические работники.

По социальному статусу афганские эмигранты в США в своем подавляющем большинстве были представлены влиятельными государственными служащими, представителями элитарной интеллигенции и деловых кругов. Многие из них в прошлом имели связи со спецслужбами США, или работали на объектах, которые сооружались в Афганистане при американской технической и финансовой помощи, или получили образование в США, или же тесно сотрудничали с американским капиталом в сфере торговли и предпринимательской деятельности [43].

Наиболее заметными и влиятельными фигурами афганской диаспоры в США являлись Абдул Маджид Забули, старейшина крупного торгово-финансово-промышленного капитала Афганистана, бывший дважды (в 1938–1941 и 1948–1950 гг.) министром экономики королевских правительств; Сабахуддин Кушкаки, бывший издатель кабульской газеты «Караван» и бывший министр информации и культуры в кабинете премьер-министра Мусы Шафика; Абдурахман Пажвак, бывший постоянный

представитель Афганистана при ООН во время монархии; Абдул Вахед Карим, бывший посол Афганистана в Вашингтоне; Абдул Гафур Вакиль, бывший при М.Дауде губернатором провинции; профессор Исхак Надери, Хибибулла Маяр, председатель Общества афганских эмигрантов в Нью-Йорке; Васа Наби, бывший президент транспортной компании «Милли-бас» и др. [44] Почти все они не приняли либо антимонархический переворот 1973 г., либо приход к власти в Кабуле левых радикалов в 1978 г., либо то и другое. Исключением из упомянутых выше лиц являлся, пожалуй, лишь А.М. Забули, который, проживая в США, продолжал с симпатией относиться к национально-патриотическим силам страны и левому кабульскому режиму и, в частности, именно с последним связывал демократическое будущее своей родины [45].

Различные подходы к решению проблемы афганских беженцев

Глобальная идеологическая конфронтация двух мировых систем на мировой арене и интересы противоборствующих сторон, завязанных в афганском кризисе, придали проблеме афганских беженцев сугубо политический характер и обусловили два диаметрально противоположных подхода к ее решению.

Левый режим Кабула на всех этапах своего существования последовательно выступал за беспрепятственное и безопасное возвращение афганских граждан к своим родным очагам. Б. Кармаль, придя к власти в качестве главы государства и правительства, уже в первом своем радиообращении к народу 27 декабря 1979 г. заявил о твердой решимости обеспечить всем соотечественникам, которые в силу разных причин вынуждены были покинуть страну, «беспрепятственное и с достоинством возвращение на родину предков» [46]. 18 июня 1981 года президиум Революционного совета ДРА принял указ, по которому государство гарантировало всем возвращающимся в страну афганцам полную свободу и безопасность и необходимую помощь в обустройстве в местах их жительства и в получении работы [47]. Положения данного указа были значительно развиты и конкретизированы в Заявлении правительства ДРА от 24 августа 1981 г., [48] а год спустя, 23 августа 1982 г., – в специальном обращении к соотечественникам за рубежом, с которым выступил по радио председатель Революционного совета ДРА Б. Кармаль. Заклучая данное обращение, афганский лидер сказал: «Давайте вместе сделаем свою прекрасную родину процветающей. Родина нуждается в вас» [49]. Проблема возвращения беженцев стала (по инициативе афганской стороны) одним из ключевых пунктов в повестке дня начавшихся в Женеве в июне 1982 г. афгано-пакистанских переговоров, а с середины 1986 г. – составным элементом провозглашенной кабульским правительством политики национального примирения.

Следует заметить, что правительство ДРА не выдвигало никаких предварительных условий для решения проблемы беженцев. Его основной задачей являлось создание наиболее благоприятных условий для возвращения своих сограждан домой. С целью стимулирования и облегчения этого процесса на высшем государственном уровне был принят ряд мер организационного, гуманитарного, политического и правового характера. Так, в январе 1987 г. при правительстве ДРА было образовано Главное управление по делам репатриантов во главе с известным государственным деятелем М.Х. Шарком [50] (в 1988 г. оно было преобразовано в министерство по делам репатриантов). В 1987 г. президиум Революционного совета ДРА своими указами освободил всех возвращающихся на родину от уплаты налогов и прежней задолженности, гарантировал им возвращение всей отчужденной ранее недвижимой собственности, отсрочку на шесть месяцев от военной службы лицам призывного возраста, прием на прежнее место работы, пенсионное обеспечение, обучение детей в учебных заведениях, участие в коалиционном правительстве и местных органах власти и управления и т.п. [51]. В процессе выборов в Национальный совет Республики Афганистан (парламент), которые состоялись весной

1988 г., в состав избирательных комиссий различного уровня вошли из числа репатриантов более 130 человек.

Международно-правовой основой для беспрепятственного возвращения афганских беженцев на родину явилось афгано–пакистанское соглашение, подписанное в Женеве 14 апреля 1988 г. В соответствии со статьей 6 этого соглашения, Верховный комиссар ООН по делам беженцев подписал 28 апреля отдельное соглашение сначала с правительством Афганистана, а затем, 9 июня, – с Пакистаном. Эти два соглашения еще раз подтвердили добровольный характер репатриации беженцев и определили общие подходы к сотрудничеству двух указанных стран с персоналом Верховного комиссариата ООН. Такие же вопросы обсуждались и с правительством Исламской Республики Иран, однако они не были материализованы в официальном соглашении. 11 мая 1988 года генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр назначил Садруддина Ага Хана специальным координатором программ ООН по оказанию гуманитарной и экономической помощи Афганистану. На выполнение указанных программ генеральный секретарь ООН запросил 1,16 млрд. долларов США. Советский Союз выделил на эти цели 600 млн. долларов, Япония – 60 млн., ФРГ – 27 млн., Швеция – 7 млн. долларов и др. По линии ООН для оказания помощи афганским репатриантам было создано 11 пунктов в СЗПП, Белуджистане и Пенджабе [52].

К концу 1988 г. для приема беженцев на территории Афганистана были оборудованы 22 сборных пограничных пункта, 22 «гостиницы мира» (в том числе и в столице) и 10 «городков мира», способных одновременно разместить десятки тысяч человек. Здесь им предоставлялись безвозмездно предметы первой необходимости (палатки, одеяла, простыни, матрацы, одежда, обувь), продукты питания, медицинская помощь, а также оказывалось содействие в перевозке к местам жительства транспортными средствами министерства обороны РА. Сельские жители по прибытии в свои населенные пункты получали сельскохозяйственный инвентарь и технику, стройматериалы, семена, удобрения и т.д.

Усилия правительства Кабула, предпринятые в рамках политики национального примирения, давали свои впечатляющие результаты. За первые девять месяцев 1987 г. в Афганистан из 18 стран мира возвратились 100 тыс. афганских граждан (для сравнения: за семь предшествующих лет из–за рубежа вернулись лишь 37 тыс. афганцев, т.е. в среднем немногим более 5 тыс. человек в год) [53]. Пик их возвращения пришелся на 1989 и первую половину 1990 г. По данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в течение 1989 г. лагеря беженцев, расположенные в Пакистане и Иране, покинули и возвратились на родину 150 тыс. человек, а за неполные шесть месяцев следующего года – еще 100 тыс. [54].

Совершенно иную позицию по данной проблеме занимали до поры до времени лидеры афганской вооруженной оппозиции и стоявшие за их спиной влиятельные покровители и доноры – США, Пакистан, Саудовская Аравия и другие консервативные режимы региона. Их отношение к решению проблемы беженцев весьма откровенно раскрыл глава Исламского общества Афганистана Б.Раббани в интервью французской газете «Монд» 18 апреля 1984 г.: «В современных условиях, – заявил он, – возвращение афганских беженцев на родину будет равносильно самоубийству сил сопротивления». Впрочем, у противников кабульского режима были и другие, чисто корыстные, мотивы удержания афганских беженцев в изгнании. Как известно, пребывание последних в Пакистане (и в Иране тоже) широко использовалось лидерами моджахедов для личного обогащения. Об этом уже говорилось выше. Приведем здесь еще несколько примеров. 18 января 1984 г. лидер Исламской партии Афганистана Ю. Халес, будучи ответственным за финансы Исламского союза моджахедов Афганистана (ИСМА), получил из Саудовской Аравии 1,3 млн. долларов США для распределения среди афганских беженцев, намеревавшихся совершить хадж в Мекку. Однако Ю.Халес присвоил их. В ответ на иск, предъявленный ему другими главарями вооруженной оппозиции через пакистанский

Комиссариат по делам беженцев в СЗПП, он заявил, что согласен возратить деньги, но только после того, как другие лидеры ИСМА (Г.Хекматъяр и А.Р.Сайяф) внесут в кассу «союза» присвоенные ими ранее крупные суммы (по некоторым данным, Б.Р.Сайяф присвоил 600 тыс. долларов из фонда ИСМА, за что был лишен своего поста в этой организации) [55]. Еще один пример. Глава Национального фронта спасения Афганистана С. Моджаддеди, выступая 11 марта 1984 г. в лагере афганских беженцев «Джангаль» (район Кветты), заявил: «Г. Хекматъяр – не афганский мусульманин, так как он сделал многих афганских беженцев жертвами ирано–иракской войны. Он получает деньги от официальных властей Ирана за направление на ирано–иракский фронт афганских беженцев в качестве солдат» [56].

Провозглашение афганским правительством политики национального примирения и усиление процесса возвращения беженцев на родину [57] явно не согласовывались с интересами как внутренних, так и зарубежных противников кабульского режима. Власти Пакистана и Ирана с целью удержания афганских беженцев на своей территории использовали самые различные методы и средства. Так, пакистанское правительство уже в январе 1987 г. приняло решение создать в СЗПП объединенное командование, которому были подчинены силы армии, полиции, ополчения племен и вооруженные формирования афганских экстремистов. В функции этого органа входили надзор за лагерями беженцев и воспрепятствование их попыткам возвратиться домой. Вдоль границы с Афганистаном были установлены 100 постов. Тысячи солдат 11-го армейского Пешаварского корпуса вместе с тайной полицией и афганскими моджахедами подвергли плотной осаде все лагеря афганских беженцев. Были запрещены передвижения за пределы лагерей и минированы возможные пути выхода беженцев к границе. По свидетельству средств массовой информации, афганцы, принявшие решение вернуться на родину, подвергались в Пакистане огромному штрафу в размере от 50 тыс. до 500 тыс. афгани, а тот, кто распространял информацию о политике национального примирения, подлежал смертной казни. Нередкими были случаи, когда силы безопасности Пакистана открывали огонь по беженцам, направлявшимся в сторону афгано–пакистанской границы. [58] Еще одной мерой к недопущению возвращения домой афганских беженцев явилась их переброска из приграничных районов в отдаленные места Пакистана. В рамках реализации данного замысла пакистанские власти уже в конце февраля 1987 г. переместили 50 тыс. афганских беженцев в Пенджаб [59].

К тем же мерам прибегали и иранские власти. В начале марта 1987 г. они приняли решение перебросить из приграничных районов с Афганистаном в Иранский Курдистан и Исфаган большое число афганских беженцев, в основном, лиц до 35 лет. Летом этого же года министр внутренних дел Ирана отдал приказ пограничным войскам принять строжайшие меры по пресечению попыток возвращения афганцев на родину. На некоторых участках была перекрыта ирано-афганская граница. Стражи исламской революции и силы безопасности Ирана подвергали массовым арестам и жестоко расправлялись с теми афганцами, которые намеревались вернуться в свою страну. К этому следует еще добавить, что правящие круги и Пакистана, и Ирана категорически отвергли неоднократные обращения правительства Кабула об осуществлении афганской стороной воздушных полетов в их страны с целью доставки беженцев на родину [60].

С крушением в Афганистане левого режима и приходом к власти моджахедов проблема афганских беженцев перестала быть актуальной в ее прежнем политическом значении и для антикоммунистического Запада, и для консервативных правящих кругов региона. На сей раз афганские беженцы потребовались внутри страны для усиления военных, политических и экономических позиций экстремистского движения «Галибан», вскормленного и выпестованного в свое время пакистанскими спецслужбами на деньги США и Саудовской Аравии. В связи с этим пакистанские власти предписали обитателям лагерей в СЗПП покинуть их до середины лета 2001 г. [61]. Таким образом правительство Пакистана стремилось, как говорит известная пословица, «одним выстрелом убить двух

зайцев», т.е. помочь своей креатуре (талибам) одержать верх в борьбе против Северной коалиции и закрепиться у власти, а также обезопасить свой тыл от назойливых и воинственных иноземных пришельцев.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Возникший в сентябре 2001 года новый фактор – страх перед американской «акцией возмездия» – снова погнал сотни тысяч афганских граждан в поисках спасения своей жизни в соседние страны, прежде всего в Пакистан.

Подводя итог всему сказанному, можно с полным основанием утверждать, что проблема беженцев стала неотъемлемой частью афганской трагедии последней трети XX в., а в последнее десятилетие – также и составным элементом «центральноазиатского вопроса». К настоящему времени за пределами Афганистана продолжают оставаться миллионы его граждан. Такого числа беженцев, которых внутренний социально–экономический и политический кризис и особенно гражданская война заставили покинуть родину, не знала вся история XX в. Тяжкая судьба разбросала почти треть населения Афганистана по всем континентам планеты. Их исход из страны, к сожалению, не прекращается. По данным ООН, только за последнее время места постоянного проживания покинули не менее 600 тыс. человек [62]. Ныне их гонит по миру не только война, но и небывалая засуха, охватившая практически все провинции Афганистана. Трагизм положения афганских мигрантов усугубляется тем, что они не видят, к своему горю, никакой перспективы возвратиться к родным очагам, пока в стране будут править оголтелые экстремисты-талибы, пока Афганистан будет оставаться заложником в геополитических играх ретивых претендентов на лидерство и господство в регионе и мире, пока не придет мир и безопасность на афганскую землю.

Необходимо подчеркнуть, что Афганистан мог бы уже давно решить проблему беженцев, обрести мир и спокойствие и не превратиться в рассадник политико–религиозного экстремизма и международного терроризма, если бы недалековидные, но весьма влиятельные западные и региональные правители и толстосумы, действуя в антикоммунистическом угаре, по принципу «в политике все средства хороши», не вывели в Афганистане на арену военно-политической борьбы наиболее воинственных экстремистов, прикрывающихся флагом религии, и не оставили никакого места для демократического вектора развития этой страны. Заложником данной близорукой политики явился не только многострадальный афганский народ и весь центральноазиатский регион, но собственно и сам Запад, пожинаяющий ныне плоды международного терроризма и не знающий, что делать с наплывом беженцев из этого беспокойного региона. Этим еще раз подтверждается непреходящая истина о том, что грязная политика всегда и неизбежно оборачивается на деле не только горем и страданиями для миллионов ни в чем не повинных людей, но и против ее творцов и вдохновителей.

Примечания

1. Понятие «беженцы» по–разному трактуется в международном праве и историко-политической литературе. Автор придерживается определения, приведенного в Дипломатическом словаре (Т.1. – М.: Наука, 1984. – С. 117): «Беженцы – лица, покинувшие страну, в которой они постоянно проживали, в результате преследований, военных действий или иных чрезвычайных обстоятельств». Кроме того, по мнению автора, к категории беженцев следует справедливо отнести и тех лиц, которые покидают места постоянного проживания в силу указанных выше причин, но не уходят за пределы своей страны. Последние в данном исследовании именуются «внутренними беженцами».
2. История Афганистана / Отв. ред. Ю.В.Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С.202; Survey of Progress (Kabul). – 1959. – P.3.
3. В начале 60–х годов из 4,95 млн. человек самостоятельного сельского населения число фактически занятых составляло лишь 3,02 млн. человек, т.е. 61 процент. – См. об этом: Давыдов А.Д., Черняховская Н.И. Афганистан. – М.: Мысль, 1973. – С.118–119.
4. Афганский календарный год начинается 21 марта.

5. Исторические факты и статистические данные о Кабуле. – Кабул: Центральное статистическое управление, джауза 1362 (июнь 1983). – С. 21. – На языке дари (хакайек–е тарихи ва аркам–е эхсайеви дар барайе Кабул); Гаргашт, Мухаммад Насер. Путеводитель по Кабулу. – Кабул: Б.и., сомболя 1345 (сентября 1966). – С. 21. – На языке дари (рахнама–йе Кабул); Малая советская энциклопедия. Т. 4. 3–е издание. – М.: БСЭ, 1959. – С.326.
6. См. об этом: Афганистан: проблемы войны и мира. – М.: Редакционно–издательский отдел Института востоковедения РАН, 1996. – С.78.
7. Ежегодник Большой советской энциклопедии. 1978. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – С. 203; Статистический ежегодник. 1361. – Кабул: Центральное статистическое управление, 1361 (1982). – С. 44. – На языке дари (салнама–йе эхсайеви); Исторические факты и статистические данные о Кабуле. – С. 21–25; Ежов Г.П. Экономическая география Афганистана. – М.: МГУ, 1990. – С. 87; Kabul New Times. – 1987, January 8; Statistical Year Book. 1360 (March 1981 – March 1982). – Kabul: Central Statistics Office, 1983. – P. 54.
8. Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. A Study in the Use of Force in Soviet Foreign Policy. – Massachusetts // Toronto: Lexington Books, 1986. – P.143; Transnational Perspectives. A Special Study (Geneva). – 1982. – P. 25.
9. Приводится по: Афганистан: проблемы войны и мира. – С. 78. По сообщениям иранской печати, в конце 1985 г. в Иране находилось около 1,8 млн. афганских беженцев. – См. об этом: Кейхан интернэшнл. – 1985, 29 декабря.
10. Сикоев Р.Р. Пресса афганской эмиграции. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – С.6.
11. Миссии Верховного комиссара ООН по делам беженцев были открыты в Тегеране осенью 1984 г., а в Дели – в мае 1980 г. – См. об этом: Urban M. War in Afghanistan. – London: Macmillan Press, 1988. – P.157.
12. Известия. – 2001, 24 февраля, 21 марта, 13 апреля.
13. См. об этом: Arnold, Anthony. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – Stanford, California: Hoover Institution Press, 1981. – P.78; Newell N.P., Newell R.S. The Struggle for Afghanistan. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1981. – P.136, 148, 157; Afghanistan: 5 Years of Occupation. – Cairo: United States Information Service. Embassy of U.S.A., December 1984. –P.9; Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. – P.144.
14. Указанные здесь данные были взяты автором из отчетов советских советников, работавших в те годы в провинциях Афганистана. См. об этом тж: Statistical Year Book. 1360. – P. 4,5.
15. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Народно–демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки–Амина (1978–1979 гг.). – Симферополь: Симферопольский государственный университет, 1999. – С. 14–55, 120–121.
16. См. об этом: Слинкин М.Ф. Афганистан: уроки информационной войны // Культура народов Причерноморья. № 15 (декабрь). – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2000. – С. 84–85.
17. Актуальные проблемы афганской революции. – М.: Наука, 1984. – С. 550, 658–659; Urban M. War in Afghanistan. – P. 157. Рахманкул в 1918–1919 гг. возглавлял крупную басмаческую банду в Средней Азии. После ее разгрома бежал со своим многочисленным кланом через Синьцзян в Афганистан. Умер в Турции. Его клан после смерти своего вождя, не найдя себе приюта в Турции, возвратился в родные места в Афганистане.
18. Регистрация беженцев осуществлялась на основе заявления главы семейства, который, как правило, завывшал численность семьи, чтобы получить как можно больше гуманитарной помощи. – М.С.
19. По свидетельству корреспондента «Известий» Г.Зотова, побывавшего в нескольких лагерях афганских беженцев в Пакистане весной 2001 г., в СЗПП находилось 156 лагерей, в которых проживали три миллиона человек. – См.: Известия. – 2001, 1 июня.
20. Информационные справки Международного отдела ЦК НДПА «Положение афганских беженцев в Пакистане.» Июнь, сентябрь 1984 и июль 1985 г. (машинописный текст на языке дари; из личного архива М.С.). Здесь и далее данные о положении афганских беженцев в Пакистане взяты из указанных справок. См. тж: Afghan Fugitives and the Realities. – Kabul, Oct. 1983. – P.13; Afghan Refugees: Five Years Later. – Washington, D.C.: US Committee for Refugees, January 1985. – P. 4–5; Pakistan: Afghan Refugees. Appeal of the International Federation of National Red Cross and Red Crescent Societies. – Geneva: Asia and Pacific Department, July 5, 1983. – P.1–3; Sustaining Afghan Refugees in Pakistan. Report of the Food Situation and Related Social Aspects. – Geneva: UNRISD, 1983. – P.11.
21. См. об этом: Правда о беженцах. – Кабул: Хивад, 1362 (1984). – С.1. – На языке дари (хакайеки дар барайе фарарийан).
22. White Book. Pakistan's Subversive Activities against the Afghan Revolution. – Kabul: DRA Ministry of Foreign Affairs Information and Press Department, 1984. – P. 26.
23. См. об этом: Актуальные проблемы афганской революции. – С. 659.

24. По данным ООН на 31 мая 1981 г., общая численность детей афганских мигрантов, обитавших в лагерях в СЗПП, составляла 753 тыс. 278 человек. – См. об этом: Актуальные проблемы афганской революции. – С. 652.
25. Информационные справки Международного отдела ЦК НДПА «Положение афганских беженцев в Пакистане». Сентябрь 1984 г.
26. Известия. – 2001, 1 июня.
27. Установлена была определенная такса за совершение террористических актов. Так, за убийство солдата правительственной армии полагалось (в перерасчете на афганы) 5–7 тыс. афганы, партийного активиста и государственного чиновника – 10–15 тыс., офицера – 30 тыс. и за подбитый танк – 100 тыс. афганы и т.д. См. об этом: White Book. Pakistan's Subversive Activities against the Afghan Revolution. – P.25.
28. Ibid., p.26.
29. Красная звезда. – 1987, 7 апреля; Repatriation of Afghan Refugees: the Prospects // Refugees. – Nov. 1988. – №52. – P.38. По данным этого издания, численность афганских беженцев в Иране на конец 1988 г. оценивалась в 2,35 млн. человек.
30. Об этом довольно часто писала иранская пресса. Только в 1983–1984 гг., по ее сообщениям, в стране было казнено более 10 афганских граждан по обвинению в контрабанде и продаже наркотиков.
31. Из депеши в МИД Афганистана генерального консула ДРА в Мешхеде Мухаммада Ибрагима Сарвари от 17.12.60 г.х. (8 марта 1982 г.). – Перев. с дари (из личного архива М.С.).
32. Информационная справка министерства иностранных дел ДРА «Положение афганских беженцев за рубежом». Июль 1984 г. – На языке дари (из личного архива М.С.). Данная справка под грифом «Совершенно секретно» была подготовлена для высшего партийного и государственного руководства ДРА.
33. Там же.
34. Красная звезда. – 1987, 7 апреля.
35. Из депеши генерального консула ДРА в Мешхеде М.И.Сарвари от 17.12.60 г.х.
36. Информационная справка МИД ДРА «Положение афганских беженцев за рубежом».
37. Справка министерства иностранных дел ДРА «Краткие сведения об афганских беженцах в некоторых странах». 1985 г. – На языке дари (из личного архива М.С.).
38. Информационная справка МИД ДРА «Положение афганских беженцев за рубежом».
39. В их среде были и криминальные элементы, занимавшиеся в ФРГ кражами, контрабандой и торговлей наркотиками. По сообщению агентства Бахтар, только в Мюнхене в 1984 году за различные преступления были брошены в тюрьмы до 70 афганцев. – См. об этом: Правда о беженцах. – С. 31.
40. См. об этом: Сикоев Р.Р. Пресса афганской эмиграции. – С.144–145.
41. Из депеши в МИД ДРА постоянного представителя Афганистана при ООН Фариды Зарифа от 4 августа 1982 г. – Перев. с дари (из личного архива М.С.).
42. Из беседы автора с бывшим поверенным в делах ДРА в Вашингтоне Мухаммадом Салемом Спартакком, состоявшейся в Кабуле 8 октября 1983 г.
43. Там же.
44. Там же.
45. Данная оценка взглядов А.М.Забули базируется на высказываниях его близкого знакомого и единомышленника Абдурахима Хатефа (в 1988–1992 гг. – вице-президент Республики Афганистан), с которым автору приходилось неоднократно беседовать по проблемам умиротворения страны и ее будущего.
46. Babrak Karmal Greet's Afghan Nation // Democratic Republic of Afghanistan Annual. Jadi 6, 1358 – Hoot 1359. – Kabul: Government Printing Press, 1359 (1981). – P. 9.
47. Decree of the Revolutionary Council's Presidium on Helping Misguided Afghans to Return Home // Undeclared War. Armed Intervention and Other Forms of Interference in the Internal Affairs of the Democratic Republic of Afghanistan. Revised and enlarged edition. – Kabul: International and Press Department DRA Ministry of Foreign Affairs, 1984. – P.77–78.
48. Statement of the DRA Government. August 24, 1981 // White Book. Foreign Policy Documents of the Democratic Republic of Afghanistan. 3rd revised edition. – Kabul: DRA Ministry of Foreign Affairs Information and Archives Department, 1984. – P. 53–54.
49. Обращение к соотечественникам за рубежом. 2 сомболя 1361 г.х. (23 августа 1982 г.) // Кармаль Б. Укрепление партии и ее связей с народом. Сб. статей и выступлений. 1360–1361 (1981–1983). – Кабул: Государственное издательство, 1983. – С. 326–329. – На языке дари (тахким-е хезб ва пейванд-е ан ба халк).

50. Памир. – 1987, 10 февраля; Kabul New Times. – 1987, February 12.
51. Анис. – 1987, 26 марта; Планета за неделю. № 77. – Кабул: Бюллетень Института общественных наук ЦК НДПА, 31 марта 1987. – С.12–16; Радио Афганистана. – 1987, 30 сентября.
52. Repatriation of Afghan Refugees: the Prospects. – P.38–45.
53. Пресс-конференция президента Республики Афганистан Наджибуллы для местных и иностранных журналистов, состоявшаяся в Кабуле 1 декабря 1987 г. // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 2 декабря; О национальном примирении. Документы, факты и цифры. – Кабул: Б.и., дальв 1366 г.х. (февраль 1988). – С.74–75. – На языке дари (дар барайе мосалеха-йе мелли).
54. Правда. – 1990, 18 января; Известия. – 1990, 29 июля.
55. Afghan Fugitives and the Realities. – P.20.
56. Справка службы безопасности ДРА (из личного архива М.С.).
57. По некоторым сведениям, не менее двух третей афганских эмигрантов в Пакистане и Иране хотели бы в то время вернуться домой. – См.: Правда. – 1987, 18 февраля; Красная звезда. – 1987, 7 апреля.
58. См. об этом: Правда. – 1987, 30 января; Kabul New Times. – 1987, March 22; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 2 апреля; Красная звезда. – 1987, 19 марта, 7 апреля. По состоянию на декабрь 1987 г., официальный курс составлял 50,6 афгани за 1 доллар США. – См.: Ежегодник БСЭ. 1988. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 204.
59. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 2 апреля; Красная звезда. – 1987, 19 марта.
60. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 2 апреля; Правда. – 1987, 5 апреля.
61. Известия. – 2001, 24 февраля.
62. Независимое военное обозрение. – 2001, 22–28 июня. – № 22 (244).